

КОНЦЕПЦИЯ

УДК 30.303.01

DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-1-76-87

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В ЭПОХУ ЭПИДЕМИЙ

Мацевич Мария Янушевна – кандидат философских наук, доцент, Белорусский национальный технический университет. Республика Беларусь, 220013 г. Минск, пр. Независимости, д. 67; e-mail: vvv0045@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8689-1948

Объектом настоящего исследования является процесс влияния ключевых установок современной философии и естественных наук на формирование проблемного поля и методологической стратегии новой онтологии. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые проведён философский анализ новой онтологии в аспекте влияния её методологического инструментария на процесс познания, связанного с выходом за рамки традиционных философских направлений. Предлагается анализ статуса понятий и методов новой онтологии, её взаимосвязи с другими науками; исследование диалектики содержания и формы в культуре, в процессе информатизации. Выявлен и исследован аспект проблемы, локализирующий новую онтологию и делающий её существенно определённой. Этому способствует, с одной стороны, рассмотрение новой онтологии как особого способа отражения объективной реальности, а с другой – то, что в качестве сферы её реализации предполагается не научное познание в целом, не отдельные его элементы, а многообразие методологических функций в развитии категориального и концептуального строя различных наук, в том числе праксиологические и мировоззренческие функции. Онтология как исходное и репрезентативное начало философии наиболее ярко обнаруживает её преемственно-инновационный характер, что позволяет современный онтологический поворот рассматривать как эвристически значимый в плане предельной общечеловеческой материально-космической активности.

Ключевые слова: «агентный реализм», антропология, этнография, акторно-сетевая теория, реальность, сеть, взаимодействие, новая онтология

Цитирование: Мацевич М.Я. Онтологический поворот в эпоху эпидемий // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2023. Т. 6. № 1. С. 76-87. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-1-76-87

Рукопись получена: 3 декабря 2022

Пересмотрена: 18 февраля 2023

Принята: 1 марта 2023

THE ONTOLOGICAL TURN IN THE AGE OF EPIDEMICS

Maryia J. Matsevich – PhD in philosophical sciences, Associate Professor, Belarusian National Technical University. Independence Ave., 67, Minsk 220013, Republic Belarus; e-mail: vv0045@mail.ru, ORCID: 0000-0001-8689-1948

The research deals with the process of influence of the key tendencies of modern philosophy and natural sciences on the formation of the problem field and the methodological strategy of the new ontology. The scientific novelty of these theses consists in philosophical analysis of functioning of new ontology in the aspects of the influence of its methodological tools on the process of cognition which suggests the need to exceed the bounds of traditional philosophical trends. This involves analysis of the status of concepts and method of new ontology, its interrelationship with other sciences, and exploration of dialectics of the contents and the form in culture, in the process of informatization. In this research such an aspect of the problem has been developed and studied that allowed to localize and significantly determine it. On the one hand, this is conducive to consideration of new ontology as being the special way to reflect the objective reality. On the other hand, the sphere of realization of it is based not upon scientific knowledge as a whole or its separate elements, but on demonstration of the diversity of methodological functions in the development of the categorical and conceptual order of different sciences, analysis of praxeological functions and capability to reflect the world outlook. Ontology as a fundamental and representative basis of philosophy demonstrates both its continuity and innovative character, which makes it possible to view the modern ontological turn as a heuristically significant event in terms of the ultimate universal material and cosmic activity.

Keywords: “agent realism”, anthropology, ethnography, actor-network theory, reality, network, interaction, new ontology

How to cite: Matsevich M.J. (2023). The ontological turn in the age of epidemics, *The Digital Scholar: Philosopher's Lab, 6 (1)*: 76-87. DOI: 10.32326/2618-9267-2023-6-1-76-87 (In Russian)

Received: 3 December 2022

Revised: 18 February 2023

Accepted: 1 March 2023

Ключевым текстом в формировании акторно-сетевой теории (АСТ) и придания ей протоонтологической направленности является книга Яна Хакинга «Представление и вмешательство» (1983 г.). Книга представляет собой введение в основные темы и ключевые категории философии науки. По сути, автор запустил программу исследований, активно стирающую границы между

изображениями мира и вмешательствами в его конструирование, его состав. Я. Хакинг делал это, выдвигая на первый план конститутивную роль экспериментальных практик – ключевого лейтмотива того, что в конечном итоге стало вектором АСТ (Hacking, 1983, pp. 1-18). Его книга 2004 г. «Историческая онтология» хорошо отражает основную направленность последней онтологической аргументации, устанавливая полезную дистанцию между «метаэпистемологией» и многими из лучших современных работ в истории науки.

Однако правда заключается в том, что ссылки на онтологию редко встречаются в основополагающих текстах АСТ – например, этот термин даже не индексируется в «Представлении и вмешательстве» (Hacking, 1983). Обозначенное неудивительно: намёк на онтологическое подразумевает чёткое различие между бытием и представлением, дихотомию, которую в то время пытались преодолеть или, точнее, игнорировать учёные, стоявшие у истоков АСТ. Стратегия заключалась в возможности обогатить наши представления об онтологическом, а не отвернуться от них в пользу высшего плана бытия.

В особой области изучения физики элементарных частиц вернулась дискуссия об онтологии в рамках АСТ именно потому, что вопросы реальности, в том числе и реальности материи, занимали доминантное место в объекте её исследований. Книга Эндрю Пикеринга «Конструирование кварков: социологическая история физики элементарных частиц» (1984 г.) была одним из немногих текстов, в которых онтологические вопросы рассматривались непосредственно, и в ней отмечалась акцентуация Хакинга на роли экспериментальных механизмов в создании согласованных миров. В своих последующих работах Пикеринг развил это понимание в полноценную теорию «темпорального возникновения», основанную на диалектике сопротивления и аккомодации (Pickering, 1995, p. 134).

Интересным продолжением и контрапунктом этой традиции является книга Карен Барад «Встречая Вселенную на полпути: квантовая физика и запутанность материи и смысла» (Barad, 2007). Тезисы Барад, особенно её теория «агентного реализма» (Ibid., p. 35), открыто и явно онтологичны, но это не означает возврата к традиционным метафизическим проблемным определениям. На самом деле Барад говорит об «онто-эпистемологии» или даже об «онто-этико-эпистемологии». В результате получается агрегация плоскостей анализа, а не резкий поворот от классической онтологии к её современному видению. Рассуждения о природе кварков, пузырьковых камер и квантовой физики могут показаться очень далёкими от антропосоматических вопросов, задаваемых индивидами в современных пандемийных условиях, но стоит отметить, что именно в этих областях исследований впервые были протестированы ключевые элементы нынешнего интереса к акторно-сетевой онтологии-идиомы перформативности и материализма в частности.

Работы, лучше всего отражающие текущий интерес к вопросам онтологии в рамках АСТ – это публикации Анн-Мари Мол и Джона Ло (Law, 1999). Их труды по топологии – например, «Регионы, сети и жидкости: анемия и социальная топология» (Mol, Law (eds.), 1994, p. 650) – открыли новую почву для эксплицитного аргумента о множественности миров и послужили основой при разработке первой типологии альтернативных режимов реальности. Этнография атеросклероза Анн-Мари Мол (Mol, 2002), конечно же, является кульминацией разновидности «эмпирической философии» (Ibid., p. 200).

Целью статьи является реконструкция системы философских воззрений новой онтологии, позволяющая зафиксировать статус эпидемии в качестве феномена историко-философской традиции (как в свете классической, так и постнеклассической парадигм). Для достижения поставленной цели формулируются следующие задачи: выявить содержательную корреляцию между философским и физическим восприятием реальности; обосновать семантический параллелизм онтологического сдвига в философии и изменения базовых парадигмальных установок естествознания конца XX – начала XXI в.

Разработки интерпретации квантовой механики Х. Эверетта породили новые подходы и к пониманию реальности. Наше представление о действительности определяется многочисленными беспорядочными условиями. В итоге каждый конструирует свою реальность; причём реальность, сконструированная одним индивидом, несколько не хуже реальности, созданной другим индивидом. Научные размышления и интенциональные размышления такого теоретизирования различны. Реальности, переживаемые в ходе повседневной жизни – например, миры снов, образов, религиозного опыта и научных усилий – обладают своей собственной конечной областью значения. В частности, в феноменологии исследования сосредотачиваются на изучении конкретных когнитивных стилей этих миров. В повседневном жизненном мире смысловые области не сообщаются друг с другом. Поскольку они несовместимы, переход от одного к другому предполагает скачок, то есть переживание шока. Этот скачок определяется модификацией напряжения сознания, изменения видения мира. В этом отношении понятие «своей реальности» позволяет учитывать феноменологическое конструирование здоровья и болезни индивидами с учётом их специфических «когнитивных стилей».

Онтологический поворот можно назвать модным лозунгом, обозначением широкого поворота, прежде всего в антропологии, стремящейся сделать видимой «иерархическую эпистемологию» современности⁵. Хотя философская антропология всё ещё опирает-

⁵ «Иерархическая эпистемология» – теория познания, утверждающая, что индивиды имеют различный доступ к реальности в зависимости от их онтологического статуса.

ся на хайдеггеровское исследование бытия, ныне она использует слово онтология в своём собственном значении, имея в виду скорее создание и восприятие существования от момента к моменту (временность – *Zeitlichkeit*, а не *Dasein*), переменные наборы исторически обусловленных допущений, посредством которых люди постигают реальность. Существуют различные направления онтологического поворота, по-разному характеризуемые в работах нескольких авторов. Американский профессор Э. Кон в конечном счёте определяет онтологическую антропологию как «нередуктивное этнографическое исследование реальностей» (Kohn, 2015, p. 315). Онтологическая антропология возникла в период серьёзного экологического кризиса и во многих отношениях является ответом на него. В то же время, когда «Антропос» (сын человеческий) оказывается в центре внимания с точки зрения ответственности «человека разумного» или христианина, он сталкивается с бесконечной запутанностью миров человеческого и нечеловеческого. Точно так же, как антропология в качестве дисциплины включает непрерывную диалектику между собственно антропологической теорией и этнографией (эмпирической наукой, инструментальным сбором, систематизацией фактов), исследования иммунитета, идентичности формировались в тандеме с онтологическими подходами в рамках самой антропологии. Философски различные онтологические подходы внесли существенный вклад в АСТ, используя тематические исследования, а также рассматривая критику «классически» онтологического⁶. Онтологические подходы чрезвычайно релевантны в АСТ практическому инструментарию. Обозначенное напоминает о противоречии между микро- и макроанализом. АСТ также известна как «социология перевода». Онтологический плюрализм в ней можно противопоставить как онтологическому монизму, для которого существует только один способ бытия или существования, так и онтологическому нигилизму, для которого ничего собственно не существует.

Вопросы бытия всегда занимали центральное место в антропологии – например, в связи с моногенетическими, полигенетическими спорами, когда на карту было поставлено понятие единой человеческой расы. Кроме того, даже в самых ранних антропологических исследованиях вопросы бытия выходили за рамки человеческого и распространялись на животных, духов, нечеловеческих агентов. Примерно с 1990-х гг. значительное число антропологов ещё серьёзней заинтересовались изучением онтологии.

Так что же такое онтологический поворот? Кон считает Леви-Стросса оригинальным «онтологическим антропологом» (*Ibid.*, p. 316), однако этнографическое ядро содержится прежде всего в работах Ф. Десколы (Дескола, 2012), Б. Латура и В. де Кастро

⁶ Анализ тематических исследований фокусируется на небольшом количестве случаев, как ожидается, дающих представление о причинно-следственной связи в большей совокупности, что ставит исследователя перед серьёзной проблемой отбора.

(Castro, 2013). Опираясь в значительной степени на этнографию индейцев, а также на постмодернизм социальной антропологии Мэрилин Стратерн (Stratern, 1992, pp. 9-14), онтологический поворот достиг своего зенита в конце 2000-х гг. с помощью кембриджской группы антропологов.

Мартин Холбраад в конце дебатов..., наряду с Вивейросом..., стал чем-то вроде номинального руководителя онтологического поворота. Холбраад (Holbraad, 2012, pp. 10-17) больше фокусируется на аналитических инструментах самой антропологии, он предписывает следующий подход: вместо того чтобы пытаться объяснить этнографические данные общепринятыми образом и стандартными для антропологов смыслами, нужно искать очевидные несовместимости и использовать их для изменения самих концепций, на которых антрополог основывает свою интерпретацию. Нужно «пройти через то, что мы изучаем» (Castro, 2013, p. 477). То есть, когда мы сталкиваемся с концепциями реальности, не соответствующими нашим собственным, мы должны сопротивляться искушению либо сделать их конкретно истинными «фактами», либо отвергнуть как «веру» (в наших интерпретационных терминах того, что может или не может быть); вместо указанного необходимо поддерживать положения в свободной возможности «быть» (Ibid., p. 501).

Иной путь, избранный Б. Латуром, П. Харвей, Т. Ингольдом и др., больше сосредоточен на децентрализации человека в попытке сгладить наши классические онтологические, антропологические предубеждения и лучше изучить запутанность человеческих и нечеловеческих «сетей». Важно отметить, что перечисленные концепции сходятся на деконструкции великого «просветительского разрыва» с традицией, фундаментального для «западной» онтологии, а также разрыва между человеческим (культурой) и всем остальным миром (природой) (Мацевич, 2019, с. 217-218). Слово «культура» должно быть заменено понятием о множественных мирах, множественных онтологиях, столь же реальных, как и классическая онтология, в которой, однако, природа одна и та же для всех разных культур.

Относительно онтологии наиболее разрушительным следствием метафоры поворота является то, что поворот происходит вокруг оси, неподвижный центр которой остаётся неизменным. Центр задаётся ответом на вопрос: что существует? Различие теперь следует понимать скорее как онтологическое, нежели эпистемологическое. «Демократическое» равенство исследуемых объектов, онтологическое равенство частей по отношению к целостности мира. Научные объекты не просто что-то значат, но также способны производить эффекты, оказывать влияние на людей. Этой характеристикой они обязаны своей двойной конституции: материальной и символической одновременно.

На основе интерпретации медицинской традиции здоровье в статье предстаёт как самоотдача миру, непоколебимая воля

к жизни, являющаяся формой опыта, в которой немедленно вступает в игру концепция существования, и отождествляется с объективностью, с тем, что существует, дано и присутствует. Осознание роли вещей, предметов, «сетей» в формировании взаимодействия между людьми, оправдывающее переход от категории «интерсубъективности» к категории «межобъективности», приводит к тому, что «современность» как философская категория ставится под сомнение.

Различные направления исследования символически объединились под понятием онтологического поворота как под неким зонтиком: АСТ, этнография, антропология, философия, политология, медицина, биотехнологии, креативные индустрии. Подходы к изучению онтологий сыграли важную роль в обновлении дисциплинарного поля, помогая привлечь внимание к ряду вопросов устойчивого развития, экологии, биоэтики и к множеству иных проблем, чаще других затрагиваемых в постмодернистских и деконструктивистских теориях.

В своей статье на эту тему В. Д. Миньоло (Миньоло, 2003) излагает историю лингвистической и институциональной гегемонии «западной» мысли от эпохи Возрождения до наших дней. Основанная в Западной Европе, эта структура (эпистемология) знания претендовала на универсальную рациональность и сумела скрыть свой собственный политический подтекст в «известном – как выразился Миньоло – высокомерии нулевой точки» (Там же, с. 112).

Иллюзорно зарекомендовавший себя как «нейтральный искатель» истины и объективности (а на самом деле заданный) дискурс контролирует дисциплинарные правила, ставит себя в привилегированное положение, оценивая и диктуя (Миньоло, 2003, с. 110). Этот иерархический подход к знанию, восприятию информации затем был инкорпорирован при колонизации таким образом, что колониальное господство стало в такой же степени онтологическим, как и физическим.

Поэтому статья Миньоло – призыв к деколониальному мышлению и эпистемическому неповиновению, призыв к разрыву с невидимой гегемонией европоцентристского дискурса для восстановления отношений знания и ресурсов между так называемым первым и третьим мирами (Миньоло, 2003, с. 114). Дискурс колониализма вездесущ, он присутствует в политике, исключаяющей коренные народы из репрезентации. (Escobar, 2017, p. 336). По мнению сторонников онтологического поворота, он присутствует даже в исторической тенденции антропологии интерпретировать верования своих этнографических субъектов (Castro, 2013, p. 500).

АСТ – не теория мира, тем более не теория бытия. Её нельзя превращать в простой список утверждений о том, что мир есть или должен быть таким-то. Онтологический поворот противоречил бы традиции АСТ, если бы подразумевал утверждение определённой онтологии мира. Такого рода категорическая доэмпирическая позиция подавляет критические инстинкты, питающие поле научных

исследований и движущие их эволюцию в течение последних трёх десятилетий.

Эпидемия коронавируса усилила власть Гоббсова Левиафана. Во время пандемии государство становится центральным институтом, заботящимся о гражданах и замедляющим скорость заражения. Еще М. Фуко отмечал, что пандемии, такие как проказа, чума, оспа, породили различные практики управления. «Биовласть» не устраняет закон, а изменяет и дополняет его другими техниками. Невидимость вируса, его характер как «не-объекта» вызывают тревогу и делают возможным то, что объект страха будет локализован в бесконечном количестве различных позиций в социальной сети.

«Эпидемия» и «пандемия» – это технические термины из эпидемиологии. Они используются для временной, географической и количественной классификации инфекционных заболеваний. Эти термины имеют основополагающее значение для наблюдения, контроля, определения уровней внимания и ведения протоколов действий. До XIX в. термины «пандемия» и «эпидемия» часто использовались как синонимы. Однако сегодня «пандемия» – ярлык, предназначенный для болезней, масштабы которых являются глобальными и беспрецедентными. Эпидемии могут трансмутировать в пандемии, однако они имеют и общее значение, обозначая болезни и состояния, происхождение которых может быть как вирусным (Эбола или ВИЧ/СПИД), так и невирусным (например, диабет).

Эпидемии независимо от того, рассматриваются ли они как постепенно развивающиеся или внезапные, поднимают насущные этические, моральные дилеммы и становятся моментами биологических и социальных кризисов. Само слово «кризис», происходящее из греческого языка, обозначает моменты, когда целые миры либо стираются, либо восстанавливаются. Создание крупномасштабных эпидемиологических моделей и разработка эффективных методов прогнозирования на основе этих моделей могут быть достигнуты только в том случае, если будут приняты эффективные методы сбора данных, основанные на надёжной политике взаимодействия между исследовательскими сообществами и органами здравоохранения. Как исследовательская область, сильно зависящая от данных различного происхождения, эпидемиология нуждается в надлежащей комплексной структуре, чтобы справиться с присущей ей междисциплинарностью и вписаться в онтологический поворот. Это позволяет раскрыть изначальный, экзистенциальный и первичный, характер здоровья в качестве структурной способности, которая, как и болезнь, делает возможной любую форму существования и берёт своё начало в самых изначальных отношениях человека с миром (бытие-в-мире). Понимание здоровья отдельного существа, но не существ в целом и не здоровья как присутствующей реальности, открыло новые горизонты медицинской традиции, эпидемиологии. Оно раскрыло одну из самых сложных загадок жизнедеятельности, стоящих перед медицинской

наукой: здоровье является одним из способов бытия и существования этого мира.

Одним из многообещающих способов удовлетворения этих экзистенциальных требований является принятие эпидемиологическим сообществом технологий «семантической паутины». Медийные вмешательства, рассматриваемые в качестве метода борьбы с эпидемией, являются частью того, что американский антрополог Чарльз Лесли Бриггс назвал «биокоммуникабельностью», таким образом объединяя эфемерную, устойчивую и материальную природу коммуникации по вопросам здоровья. Биокоммуникабельность создаёт связи между зрелищным, дискурсивным и биосоциальным распространением знаний об эпидемиях. Учёный показывает, как в контексте вспышек инфекционных заболеваний «экология доказательств» включает в себя более широкие совокупности взаимосвязанных способов производства конкретных типов доказательств и придания им подвижности, низводя другие формы до статуса невежества, суеверия или патологии. Онтологический поворот вносит значительный вклад в изучение того, что находится между симптомом и диагнозом, случаем и нарративом, в конечном счёте, между материальными и нематериальными аспектами противоэпидемической работы. Сосредотачивая внимание на рутине, привычке, технике и материи, представители АСТ, в частности, заставляют граждан рассмотреть новые моменты, в которых противодействие эпидемии требует иной качественной работы средств массовой информации (Briggs, 2009, p. 150).

Нужно различать количественные и качественные фокусы. Пандемии – это не только показатели. Пандемии также являются воплощением опыта. И важен каждый опыт. Во-первых, каждый опыт делает историю. Во-вторых, следует помнить, что глобальные события всегда происходят в локальных контекстах и разыгрываются в них.

В заключение отметим, что существенная ценность онтологического поворота в эпоху эпидемий состоит в пересмотре вопроса о политике как объекте изучения и способе взаимодействия с миром. Эта ревизия может обретать по меньшей мере две различные формы. Есть те, кто утверждают, что обращение к онтологическому, к реальности множественных миров, к неизбежному условию мультинатурализма (непохожести по природным свойствам) и к перспективизму, усиливает (проясняет) нормативные следствия нашего анализа. Культурологический подход (одна реальность – множество интерпретаций) постепенно уступил место мультинатуралистической точке зрения – существуют различные природные культуры, каждая со своим способом упорядочения мира и его обитателей, а также с «негативной диалектикой» имманентного и трансцендентного. Натурализм признаёт, что все живые существа на планете имеют определённую биологическую природу. Однако, согласно этой школе мысли, только люди обладают творчеством и свободой воли, в то время как остальные живые существа до-

вольно пассивны. Мультинатурализм – это уникальный образ мышления, сформированный повседневной практикой людей, живущих в некоторых из древнейших обществ на земле. Мультинатуралисты считают, что и животные, и люди обладают общей человечностью.

Несколько иной подход заключается в том, чтобы рассматривать онтологию как способ решения проблемы переплетения технологического и политического. Недавними замечательными примерами такого подхода являются работы Нортье Маррес «Материальное участие: технологии, среда и повседневная политика» (Marres, 2015, pp. 6-12) и Эндрю Барри «Политические машины. Управление в технологическом обществе» (Barry, 2001). Они рассматривают онтологии с нарративной точки зрения, в качестве онтологий, созданных конкретными практиками и взаимодействиями (Ibid., 2001, p. 300). Способ, которым различные онтологии осуществляют себя, включает также и то, как они постигают истину, что в конечном счёте диктует степень, с которой онтологии допускают существование Других. Например, если онтология не единична и не дана, возникает вопрос: какую реальность «делать»? Новая онтология не предшествует политике и не избегает её, но имеет свою собственную политику. Не политику того, кто должен говорить, действовать и т. д., а политику «чего» – какова реальность, которая формируется и в которой приходится жить разным людям.

Информация о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Declaration of Conflicting Interests

The author declared no potential conflicts of interest with respect to the research, authorship, and/or publication of this article.

Список литературы

Дескола, 2012 – Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры / Пер. с фр. О. Смолицкая, С. Рындин. Ред. С. Рындин. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 584 с.

Мацевич, 2019 – Мацевич М.Я. Семья в контексте «онтологической хореографии» // Семья в современном мире: XI социологические чтения памяти В. Б. Голофаства: материалы Всероссийской научной конференции (Санкт-Петербург, 28-31 марта 2019 г.) / Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН. СПб.: Реноме, 2019. С. 215-219.

Миньоло, 2003 – Миньоло В. Стойкое очарование (или эпистемологическая привилегия современности и куда двигаться дальше) // Личность. Культура. Общество. 2003. Т. 5. Вып. 3-4. С. 87-115.

Barad, 2001 – Barad K. Meeting the Universe Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning. Durham: Duke University Press, 2007. 544 p.

Barry, 2001 – Barry A. *Political Machines. Governing a Technological Society*. L.: The Athlone Press, 2001. 320 p.

Briggs, 2009 – Briggs C.L. Biocommunicability and the biopolitics of pandemic threats // *Medical Anthropology*. 2009. Vol. 28 (3). Pp. 89-198.

Escobar, 2017 – Escobar A. Complexity theory and the place of the now // *Cultural Dynamics*. 2017. Vol. 29 (4). Pp. 333-339.

Hacking, 1983 – Hacking I. *Representing and Intervening: Introductory Topics in the Philosophy of Natural Science*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 304 p.

Holbraad, 2012 – Holbraad M. *Truth in Motion: The Recursive Anthropology of Cuban Divination*. Chicago: University of Chicago Press, 2012. 544 p.

Kohn, 2015 – Kohn E. *Anthropology of Ontologies* // *Annual Review of Anthropology*. 2015. Vol. 44. Pp. 311-327.

Law, 1999 – Law J. After ANT: Topology, Naming and Complexity // Law J., Hassard J. (Eds.) *Actor-Network and After*. Oxford: Blackwell and the Sociological Review, 1999. Pp. 1-14.

Marres, 2015 – Marres N. *Material Participation: Technology, the Environment and Everyday Publics*. L.: Palgrave Macmillan, 2015. 211 p.

Mol, Law, 1994 – Mol A., Law J. Regions, networks and fluids: anaemia and social topology // *Social Studies of Science*. 1994. Vol. 24. No. 4. Pp. 647-671.

Mol, 2002 – Mol A. *The Body Multiple: Ontology in Medical Practice*. Durham, NC: Duke University Press, 2002. 216 p.

Pickering, 1995 – Pickering A. *The Mangles of Practice: Time, Agency and Science*. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1995. 296 p.

Strathern, 1992 – Strathern M. *Reproducing the Future: Essays on Anthropology. Kinship and New Reproductive Technologies*. N. Y.: Routledge, 1992. 224 p.

Viveiros de Castro, 2013 – Viveiros de Castro E. The relative native // *Journal of Ethnographic Theory*, 2013. No. 3. Pp. 473-502.

References

Barad, K. (2007). *Meeting the Universe Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning*. Duke University Press.

Barry, A. (2001). *Political Machines. Governing a Technological Society*. The Athlone Press.

Briggs, C. L. (2009). Biocommunicability and the biopolitics of pandemic threats. *Medical Anthropology*, 28 (3), 89-198.

Castro, de V. (2013). The relative native. *Journal of Ethnographic Theory*, 3, 473-502.

Deskola, F. (2012). *Beyond Nature and Culture*. Novoe literaturnoye obozrenie Publ. (In Russian)

Escobar, A. (2017). Complexity theory and the place of the now. *Cultural Dynamics*, 29 (4), 333-339.

Hacking, I. (1983). *Representing and Intervening: Introductory Topics in the Philosophy of Natural Science*. Cambridge University Press.

Holbraad, M. (2012). *Truth in Motion: The Recursive Anthropology of Cuban Divination*. University of Chicago Press.

Kohn, E. (2015). Anthropology of Ontologies. *Annual Review of Anthropology*, 44, 311-327.

Law, J. (1999). After ANT: Topology, Naming and Complexity. In J. Law & J. Hassard (Eds.) *Actor-Network and After*. Blackwell and the Sociological Review. Marres, N. (2015). *Material Participation: Technology, the Environment and Everyday Publics*. Palgrave Macmillan.

Matsevich, M. J. (2019). Family in the modern world. In *Papers of XI Sociological Readings in Memory of V. B. Golofast*. (pp. 215-219) Sociological Institute of Russian Academy of Sciences Renome. (In Russian)

Mignolo, W. (2003). Persistent charm (or the epistemological privilege of modernity and where to go next). *Personality. Culture. Society*. 5 (3-4), 87-115. (In Russian)

Mol, A. & Law, J. (1994). Regions, networks and fluids: anaemia and social topology. *Social Studies of Science*, 24 (4), 647-671.

Mol, A. (2002). *The Body Multiple: Ontology in Medical Practice*. Duke University Press.

Pickering, A. (1995). *The Mangles of Practice: Time, Agency and Science*. University of Chicago Press.

Strathern, M. (1992). *Reproducing the Future: Essays on Anthropology. Kinship and New Reproductive Technologies*. Routledge.